

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АОНИДЫ

Сборник статей
в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой

Альянс-Архео
Москва — С.-Петербург
2013

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции	3
<i>С. И. Николаев.</i> «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.)	7
<i>Н. Ю. Алексеева.</i> Переложение-переосмысление А. П. Сумароковым 83 псалма	17
<i>П. Е. Бухаркин.</i> «Опыт Российского сословника» в контексте литературной деятельности Д. И. Фонвизина	24
<i>Л. Росси.</i> «Улиссовы спутники» М. Н. Муравьева и «Улисс и его спутники» Я. Б. Княжнина	36
<i>Е. Д. Кукушкина, А. О. Демин.</i> «Освобожденная Ветилуя» П. Метастазियो в переводе Ф. В. Генша	44
<i>М. Левитт.</i> Стихотворение Державина о княгине Дашковой: к проблеме их взаимоотношений	52
<i>И. Клейн.</i> Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина	63
<i>А. О. Дёмин.</i> Рукопись Г. Р. Державина в ИРЛИ	79
<i>А. Ю. Веселова, А. Т. Болотов и Н. М. Карамзин</i> о задачах литературной критики	84
<i>Р. Бодэн.</i> О возможном источнике «Путешествия из Петербурга в Москву»: Александр Радищев и Франсуа Верн	93
<i>А. А. Костин.</i> Еще раз о тексте сибирских записок А. Н. Радищева	106
<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский.</i> Н. А. Львов — посвяtitель, меняющий маски	115
<i>В. Д. Рак.</i> К творческой биографии В. М. Протопопова	126
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> «Свободность к таким упражнениям». Страница из тетради XVIII века	136
<i>И. Ю. Фоменко.</i> «Русский Вертер» — Маслов или Матвеев: к вопросу о прототипе героя повести А. И. Клушина «Вертеровы чувствования, или Несчастный М.»	139
<i>А. Вачева.</i> Мемуары Анны Евдокимовны Лабзиной: между житием и нравоучительным трактатом	145
<i>Э. Хексельшнайдер.</i> Лейпциг XVIII века в восприятии русских путешественников	154
<i>А. Ю. Соловьев.</i> Немецкая антология русской сентиментальной прозы и ее издатель	164
<i>М. Ди Сальво.</i> «Итальянские» Меншиковы	171
<i>П. Р. Заборов.</i> Ф. Г. Головкин и его архивные находки	177
<i>Э. Кросс.</i> Первые печатные отзывы на смерть Пушкина в Англии	184

Н. А. ЛЬВОВ — ПОСВЯТИТЕЛЬ, МЕНЯЮЩИЙ МАСКИ

Жерар Женетт, характеризуя многообразие интертекстуальных (в его терминологии транстекстуальных) связей, уделил особенное внимание обрамлению «собственно текстов» разнообразными паратекстами. Ближайшие из них, «перитексты», призваны, по его мнению, непосредственно воздействовать на читательское восприятие, — это названия, подзаголовки, посвящения, предисловия, послесловия, сноски, примечания, комментарии, иллюстрации, обложки и прочие авто- и аллографические сигналы.¹ Несомненно, что именно перитексты обладают незаурядным игровым потенциалом — они то сливаются с основным текстом, создавая впечатление неотделимости от него, то автономизируются и тем самым деавтоматизируют читательское восприятие. Особенности посвящений на материале русской литературы XVIII века в последнее время было уделено немало внимания;² при этом в первую очередь рассматривались обстоятельства экстратекстуальные — специфика посвящений в их общественном функционировании, их обращенность к тем или иным бенефициантам или авто-

¹ Genette G. *Palimpsestes, la littérature au second degré*. Paris, 1982. P. 7 и далее.

² Warda A. *Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji*. Łódź, 2000; Кочеткова Н. Д. 1) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII — начала XIX века. Статья 1. Особенности жанра // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 66–84; 2) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // Там же. СПб., 2004. Сб. 23. С. 20–46; 3) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. (Посвящения екатерининским вельможам) // Там же. СПб., 2006. Сб. 24. С. 96–124; 4) Литературные посвящения руководителям учебных заведений и наставникам // Там же. СПб., 2008. Сб. 25. С. 39–63. В этих публикациях приведена также основная литература вопроса.

ритетным лицам, посвятельный церемониал. Действительно, роль посвящения как «благодарственного поля», где автор отдавал должное оказанной поддержке, выражал верноподданнические чувства, а порой и искательствовал, несомненно, долгое время была ведущей. В сущности это была область фактуального, даже если принадлежность основного текста к художественной литературе не может быть подвергнута сомнению. Как уже справедливо отмечалось, с течением времени «шаблонные формулы посвящений начинают все больше варьироваться, становясь менее официальными и казенными», что в значительной степени было связано с культурой сентиментализма и ее экспансией. Во второй половине XVIII столетия посвящения испытывают все большее влияние дружеской переписки, они все чаще адресованы «другу, члену семьи, возлюбленной», на смену пространным самоуничижительным подписям приходят инициалы, понятные и внятные лишь узкому кругу друзей.³ Живой процесс фикционализации эпистолярного жанра отражается и на посвящениях — они, как и дружеские письма, все чаще напоминают послания; стихотворная стихия теснит прозу; исторический автор уступает место лирическому герою. Это становится особенно явственным, когда один и тот же литератор в своих посвящениях надевает различные, во многом контрастные маски.

Именно так обстоит дело в трех дедикациях Н. А. Львова, о которых пойдет речь ниже. Это посвящения комических опер «Ямщики на подставе» (1787) и «Парисов суд» (1796), а также поэмы «Зима» (1791); первое и третье из них, хотя и анонимно, были опубликованы при жизни Львова. Бурлескный «Парисов суд» вошел в том рукописных произведений поэта и был в конце XVIII столетия известен лишь узкому, дружескому кругу. При всей несхожести трех посвящений, их объединяет то, что они обращены к друзьям поэта и создают каждый раз некую фикциональную ситуацию, контрастную и по отношению к художественному произведению, которое они «обрамляют», и по отношению к тому, что нам известно о Львове и о тех, кому он посвятил свои произведения, т. е. к экстратекстуальной реальности.

«Приношение его высокоблагородию С. М. М<итрофанову>» открывает книжечку «Ямщиков на подставе», изданную во время тамбовского губернаторства Г. Р. Державина в его вольной типографии.⁴ О его адресате почти ничего не известно (его инициалы до сих пор исследователи пред-

³ Кочеткова Н. Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII — начала XIX века. Статья 1. С. 82–83.

⁴ [Львов Н. А.] Ямщики на подставе. Игрище невзначай. Тамбов, 1788. С. [3].

почитали не раскрывать).⁵ Все же это, кажется, можно сделать, ибо некий надворный советник Митрофанов был упомянут как начальник гребецкого хора на Потемкинском празднике, который состоялся 28 апреля 1791 года «в доме его близ Конной гвардии». ⁶ В месяцесловах с росписями чиновных особ как раз в это время фигурирует стряпчий по уголовным делам надворный советник Сергей Митрофанович Митрофанов, служивший во втором департаменте Санкт-Петербургского губернского магистрата. ⁷ Митрофанов упомянут также в шуточном стихотворении Державина «Похвала комару» как исполнитель песни «Высоко сокол летал...» (была включена Львовым в подготовленное им совместно с Иваном Прачем «Собрание народных русских песен с их голосами», 1790); в примечаниях к «Похвале комару» (1807) Державин называет Митрофанова «известным певцом». ⁸

Некоторое представление о личности Митрофанова можно почерпнуть из 56-страничной книжки «Песни русские известного охотника М*****», вышедшей из печати в Петербурге в 1799 году. В ней Митрофанов опубликовал для своих почитателей двенадцать песен любовного содержания, им

---

⁵ См., например, статьи В. П. Степанова и А. Н. Крюкова о С. М. Митрофанове (Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 292–293; Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. СПб., 2000. Т. 1. Кн. 2 (К–П). С. 214–215). О значении С. М. Митрофанова для русской песенной культуры напомнил в XX веке И. Н. Розанов (*Розанов Ив. Один из создателей народных песен // Книжные новости. 1936. № 21. С. 31*). В своих исследованиях он неизменно подчеркивал, что именно Митрофанова, наряду с Мерзляковым, следует считать создателем жанра «русской песни», который приобрел огромную популярность в 1820-е — 1830-е годы XIX столетия. Розанов также перепечатал восемь песен Митрофанова и посвятил ему шести-страничный очерк в следующем, собранном им томе малой серии «Библиотеки поэта»: *Песни русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Н. Розанова. Л., 1936. С. 88–94. С той поры они — неотъемлемая часть антологий литературных романсов.*

⁶ «В саду на пруде приуготовлена была китайская шлюбка и несколько других с тем, чтобы гребцы под начальством какого-то г-на надворного советника Митрофанова пели гребецкие песни, но худая погода быть сему не дозволила» (*Кирьяк Т. П. Потемкинский праздник 1791 года (Письмо в Москву) // Русский архив. 1867. № 10. Стб. 694; см. также «Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила» Г. Р. Державина и материалы, собранные о нем Я. К. Гротом в кн.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. I. С. 377–419*).

⁷ Впервые Сергей Митрофанович Митрофанов упомянут в месяцеслове за 1783 год в чине поручика как стряпчий в обоих департаментах Губернского магистрата; в следующем году у него уже чин коллежского асессора. С 1786 года он числится здесь же, но лишь при втором департаменте. С 1787 года он «стряпчий уголовных дел»; с 1788 по 1796 год — надворный советник.

⁸ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. III. С. 401.

сочиненных и, по всей видимости, охотно им исполнявшихся.⁹ Опубликованные в сборнике Митрофанова песни пользовались немалой популярностью в начале XIX века главным образом в городской, мещанской среде, для которой они, судя по всему, и предназначались. По художественным достоинствам и степени отделки они значительно уступают салонным романсам Ю. А. Нелединского-Мелецкого, И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина.¹⁰

В кратком предисловии, подписанном «С*** Мтрфнв», автор иронично характеризует свои склонности и подчеркивает камерность своего дарования, посвящая его своим слушателям и читателям (в нижеприведенном пассаже сохранен ряд орфографических особенностей, дающих представление о разговорном характере данного пассажа):

Почтеннейшие любители русских песен!

Вам, милостивые государи! посвящаю сии песенки, написанные слабым моим пером, до которых я великий охотник. Не погневайтесь, если оне не совсем будут по вашему желанию. Не имея дара стихотворческого чтобы воспеть на лире великих мужей так, как делали древние и делают нынешние поэты, я курныкаю кое-как в удовольствии любящих русской голос, русские песенки про невинную любовь; и признаюсь, что нет ничего приятнее для сердца моего, как когда на досуге хвачу с раскатом и с балалаечкой песенку про матушку про Любовь, в честь которой присовокупляются ручейки, лужочки, рощицы, долины, пригорки, цветочки, птички, свирелки, короводы и проч.¹¹

Простоватость этой декларации обманчива. На деле она в высшей степени литературна — вслед за Анакреоном множество поэтов отстаивало право воспевать не бранные подвиги и великих людей, а свои чувства. При всей банальности, а потому и всегдашней актуальности содержания этому признанию не отказать в оригинальности плана выражения — Митрофанов избирает не нейтральный или возвышенный стиль, но отчетливо разговорный, с элементами просторечия. Одновременно он пародирует штампы сентиментальной поэзии и создает ироническую дистанцию к собственному творчеству. Признавая своей всегдашней целью «быть добрым гражданином,

---

⁹ [Митрофанов С. М.] Песни русские известного охотника М*****, изданные им же в удовольствие любителей оных. С гравированным портретом. СПб., 1799. Завершает собрание песен стихотворный «эпиграф» «Славно пел я иль не славно...» на с. 56. во многом перекликающийся с цитируемым мною предисловием.

¹⁰ В. Е. Гусев так характеризует его творчество: «По содержанию и стилю песни Митрофанова — характерный образец сентиментального фольклоризма. Они пришлись по вкусу современникам, и некоторые из них вошли в быт» (Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., сост. подгот. текста, биограф. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988. Т. 1. С. 169).

¹¹ [Митрофанов С. М.] Песни русские известного охотника М*****. С. [3–4].

исполнять свято свою должность, ежеминутно благодарить Бога и государя за их милости, быть любимым всеми подобными себе», Митрофанов так формулирует свое кредо: «петь и веселиться без вреда ближнему», при этом петь громогласно — «во всю Ивановскую в удовольствие других и свое собственное», «про Любовь, для прогнания скуки». ¹²

Собственный портрет «певца любви», начертан им нарочито сниженно: «Но чтоб вы знали, почтеннейшие любители русских песен, что за творение, которое так думает, я опишу вам мой портрет и природную красоту во всем ее блеске: Я росту среднего, имею глаза навывкате, и словно как бы прорезаны осокой, нос мякушкой, а персонаж представляет бруснишную меру, впрочем, приятности бесподобной». ¹³

Как явствует из месяцесловов с росписями чиновных особ, у Митрофанова уже в 1788 году, т. е. когда Львов посвятил ему «Ямщиков на подставе», был чин надворного советника, требовавший обращения «высокоблагородие». Все же «высокоблагородие» в посвящении Львова звучит как соответствующее некой табели о талантах, противоположной общепринятой. Столь же оправдано в этой, контрастной к общепринятой, системе отсчета и «приношение» (почти «подношение»), ибо поэт-архитектор в это время имел уже более высокий чин, чем Митрофанов (с 1783 году Львов был коллежским, а в 1788-м стал уже статским советником).

О неказистой внешности Митрофанова, насчет которой любил побалагурить и их обладатель, Львов упомянул в зачине посвящения «Ямщиков на подставе», прося о «покрове» для своего детища:

О ты! которого негладкий тучный вид
Лекеня набекрень нам вживе представляет,
В котором каждый член и мышца говорит,
Когда искусный перст твой вьюшки завивает,
Прими ямскую ты в покров мою свирель. ¹⁴

Несколько строк в посвящении наводят на мысль, что именно пестельники Митрофанова должны были по первоначальному замыслу Львова исполнить «Ямщиков». Спеть в комической опере должен был, со всей очевидностью, и сам Митрофанов. Весьма вероятно, что подобное представление даже состоялось частным образом — в доме Львова или его ближайших родственников. Народные песни, включенные в комическую оперу Львова, были хорошо знакомы Митрофанову и его «шайке», певшей, видимо, большей частью не по нотам, но по памяти, нередко импровизируя:

¹² Там же. С. [4].

¹³ Там же. С. [5].

¹⁴ [Львов Н. А.] Ямщики на подставе. С. [3].

Но на голос стихов наладить я не знаю
И для того к тебе, муж звучный, прибегаю:
Плененный звонкою я шайкою твоей,
Согласной пением, а видом на разладе,
Являющей орган с похмелья в маскераде,—
Вели ты голосом чудесной шайке сей
Дать силу, жизнь и блеск комедии моей.
Да будет не стихам, тебе и честь и слава.
Прибавь ты к пению их новы чудеса
Хрипучим голосом дрожащего баса.
Всю площадь удиви, подвигни небеса
И свету докажи, что есть твоя октава.

В заключительных семи стихах посвящения Львов отступает от шестистопного ямба, которым написаны предшествующие стихи, в пользу ямба четырехстопного. Все стихи «оперены» гомеофонными рифмами (двумя женскими и пятью идущими подряд мужскими) и нарочито оканчиваются на «ю». В этой части стихотворения посвяtitель кратко характеризует себя — он оказывается приверженцем той же, не «мерной» манеры исполнения русских песен, страстным любителем которых является, хотя и не одарен столь замечательным голосом:

Я от тебя не потею,
По нотам мерного я не причастен вою,
Доволен песенкой простою,
Ямскою, хватской, удалою,
Я сам по русскому покрою,
Между приятелей порою
С заливцем иногда пою.

Львов, таким образом, «подстраивается» под ухарские повадки адресата своего посвящения и надевает маску столь же бесшабашного представителя простонародья, преданного песенной стихии и охотно посмеивающегося над собой. Схожий автобиографичный образ с ярко выраженными фольклорными чертами находим в автоэпиграммах Львова 1790-х годов.

Итак, в посвящении Митрофанову стилистическим ориентиром становится добродушное грубоватое балагурство, акцентировавшее несерьезность, «карнавальную» сущность этого перитекста. Совсем иной стиль избран для посвящения поэмы «Зима» жене Н. А. Львова — Марии Алексеевне Львовой, урожденной Дьякóвой (содержится лишь в отдельном издании 1791 года и отсутствует в журнальной публикации поэмы).¹⁵ Оно

¹⁵ *Львов Н. А.* Зима // Муза. 1796. Ч. 1. Февр. С. 129–138; Март. С. 175–181.

геснейшим образом связано с взаимопоскватениями и взаимообращениями Львова и Хемницера.

Первым в 1774 году «любезному другу» поскватил свой перевод героиды К. Ж. Дора «Письмо Барнвелля к Труману из темницы» Хемницер:

*Его благородию
Николаю Александровичу Львову*

Любезный друг!
Нелестной дружбе труд усердный поскватяю
И знанию правому судити предлагаю;
Когда я перевод сих малых строк свершил,
О чувствовании твоём я вообразил,
Любезный друг! прими сие ты приношенье,
А мне дай чувствовать едино утешенье
И мысль собщи свою о переводе сем:
Льсти убегая, ты откроешься во всем;
В том удовольствие за труд сей полагаю.
О подлиннике ты известен уж, я знаю;
В нем тьма красот, но нет их в переводе сем.¹⁶

Своим поскватением Хемницер задал на много лет совершенно иной тон диалогу с другом, чем тот, что был у Львова с Митрофановым. Это тон сентиментальной дружбы, «средства душ», выверенных комплиментов, предполагающий гладкость и единство стиля, тщательность отделки и изящество формы. Именно такие стихи уместны в дворянском салоне, в атмосфере словесных игр, в присутствии законодательниц вкуса, окруженных утонченным поклонением. В этом отношении весьма показателна вовлеченность в диалог жены Львова и легенда о безответной любви Хемницера к ней, которую донесли до нас биографические предания. Укажу и на то, что акrostих-поскватение 1774 года открывает череду комплиментарных стихотворений, адресованных Хемницером Львову и бытовавших в рукописной форме — эпиграмм, надписей, стихотворных вставок в письма и проч.¹⁷

¹⁶ Дора К. Ж. Письмо Барнвелля к Труману из темницы: Героида / Перевел с французского Иван Хемницер. СПб., 1774. С. 5.

¹⁷ См.: «Стихи, писанные в письме к Ник<олаю> Алекс<андровичу> Львову в Москву <17>75 года апреля 8»; «Так! Это Львов! Он сам! Его, его сей вид!..»; «Epigramme assez pour faire le portrait de N. A. Lwoff par la rime «-age» (и авторский перевод), «Epigramme sur mr. N. A. Lwoff» и проч. (Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. Н. Л. Степанова. Сост. Л. Е. Бобровой. Подгот. текстов и примеч. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацура. М.; Л., 1963. С. 195, 226, 257 и далее (Б-ка поэта)).

Хемницер посвятил М. А. Дьяковой первый сборник своих басен,¹⁸ вышедший в свет в 1779 году анонимно и ставший одним из первых и наиболее важных выступлений львовско-державинского кружка. В этом стихотворном обращении Хемницер описывает явление к нему персонажей басен, вошедших в книгу, видящих в покровительстве Дьяковой надежную защиту от хулы и несправедливых наскоков. На обращение к Дьяковой откликнулся влюбленный в нее Львов, написавший от лица своей будущей жены «Эпиграмму сочинителю» басен и сказок NN нояб<ря> 26-го».¹⁹ Это не эпиграмма в том смысле, который вкладывали в него обычно современники, но, скорее, изящный комплимент мыслям, языку и прочим достоинствам басен, «выдавшим» имя сочинителя.²⁰

Посвящение Львовым поэмы «Зима» жене в 1791 году включает многолетний диалог двух друзей, в который она была вовлечена не как участница, но, скорее, как олицетворение изящества и адресат. Вольный ямб, избранный Львовым, отсылал в первую очередь к посвящению в издании басен Хемницера 1779 года (кстати, именно этот размер займет вскоре доминирующее положение в посланиях Львова). В сравнении с ним стихотворное обращение Львова синтаксически усложнено и явно имитирует устную речь — с ее обилием инверсий, неправильностей, эллиптических и незавершенных конструкций. Так, для зачина поэтом избрана конструкция с вынесенным вперед положением, отрицаемым далее, а противоположное ему пояснение здесь отсутствует (его находим далее, в другой фразе). От читателя требуется повышенное напряжение для того, чтобы понять, какая мысль отстаивается автором, отыскать значительно ниже в тексте ответ на вопрос о том, какой же «цвет» особенно мил сердцам:

Не так нам мил тот цвет,
Который для себя в пустыне
В печальном сиротстве цветет
И в бедственной судьбине
Листок пригожий свой

¹⁸ В печатном тексте имя ее было обозначено литерами «N... N... N», раскрытым в экземпляре книги, принадлежавшей Львову (Там же. С. 301).

¹⁹ Это единственное эпиграмматическое стихотворение Львова, опубликованное при жизни поэта. Оно было напечатано анонимно: Санкт-Петербургский вестник. 1779. Ч. IV. С. 360. Авторство установил Б. И. Коплан на основании автографа в «Путевой тетради № 1» Львова (ИРЛИ. 16470. Л. 41 об.; ср.: Коплан Б. И. К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Известия АН СССР. 1927. № 7/8. С. 722).

²⁰ Хемницер ответил мадригалом «Чувствительно вы похвалили...» (Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биогр. статьей и примеч. Я. Грота. СПб., 1873. С. 366; Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. С. 227).

Единым ветрам он вверяет.
Не величался он между людей собой,
Не послужи ни пользой, ни красотой,
В забвенье увядает,
Засох... и праха нет.²¹

Нельзя не отметить и нарочитую грамматическую неправильность этих строк — личное местоимение «он» в шестом стихе избыточно, ибо функцию подлежащего уже взяло на себя относительное местоимение «который», но это явно не смущает автора, стремящегося повысить экспрессивность высказывания, имитировать взволнованность живого общения.

Композиция стихотворения трехчастна и во всем подчинена развитию основной мысли, опирающейся на метафорическое уподобление поэтического дарования цветку. Тезис описывает пагубные последствия одиночества для таланта, антитеза иллюстрирует необходимость дружеской атмосферы и похвал для его развития, а в заключительной части воздается должное той, кто покровительствовал талантам двух друзей, один из которых уже скрыт могилой:

Не так бы величался
И стих весенний мой,
Когда б не красовался
Твоей он похвалой.
Пороков злых гонитель
И истины ревнитель,
Природы друг простой,
Хемницер дорогой,
Талант свой дружбы в дар священный
Залогом положил,
Светильник истины возжженный
Тебе в покров он посвятил;
А я, стезей его ступая,
Не те хотя цветы срывая,
Не тем усердьем вдохновен,
Твоею лаской ободрен,
С восторгом жертвую трудами.
Не храмами, не олтарями,

---

²¹ *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена, 1994. С. 253. Данное издание цитируется далее в тексте статьи в круглых скобках с указанием страницы после аббревиатуры ИС.

Не ароматными травами
Велика жертва и славна:
Усердием горит она.
(ИС, 165–166).

Заглавием-адресацией Львов открывает посвящение В. В. Капнисту «Парисова суда» (1796): «Брату Василью Васильевичу творцу „Ябеды“ рапорт и приношение». В нем Львов возвращается к грубоватой поэтике стихотворения, обращенного к Митрофанову. Аллюзию к своей ранней комической опере поэт усиливает, надев на себя маску «Ваньки Ямщика», «с приписью подьячего сочинителя». ²² Такого персонажа в «Ямщиках на подставе» нет, но этот Ванька отчетливо причислен к тем, эпизод из чьей жизни представлен в пьесе. Именно от лица Ваньки написано посвящение, в котором намекается на причастность Капниста к этому творческому замыслу Львова:

В силу вашего веленья
Учинил я исполненье
И при сем вам подношу
Обыденную проказу:
«Суд Парисов» по заказу.
(ИС, 284; курсив автора).

Капнисту предлагается вынести и вердикт о достоинствах пьесы. При этом каламбурно обыгрываются названия двух пьес — «Ябеда» должна «покрыть» «Суд» до вынесения окончательного решения, т. е. деяние однозначно неправое должно первоначально одержать верх над «судом» во имя торжества справедливости. Столь замысловатым образом Львов выражает и восхищение комедией Капниста, и избегает приторности в обращении к другу, и подчеркивает игровой характер своих стихов.

Как я старался показать выше, посвящения Львова, столь несхожие между собой, неизменно имеют дружеский, чуждый прагматизма характер. Их главное назначение — выразить бескорыстное восхищение личностью адресата и подчеркнуть ее значение для созданного художественного произведения. Присущие устоявшемуся жанру посвящений самоуничижительные формулы Львовым либо пародируются, либо используются для

---

²² В. И. Даль отмечает два значения слова «припись». «Подьячий с приписью» — тот, кто «скреплял» бумаги, подписываясь на них снизу; «с приписью» также значило «с прозвищем» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1865. Т. 3. С. 395). Таким образом, Львов имел в виду: «Ванька по прозвищу „подьячий сочинитель“».

оттенения духовного превосходства адресата, а не его высокого общественного положения, как это предписывала сервильная практика.²³ Поэтика посвящений Львова оказывается в высшей степени близка поэтике его посланий, от которых их отличает лишь ярко выраженная функция перитекста. Они тесным образом (и именно художественно) связаны с посвящаемыми текстами и, запечатлевая их связь со столь ценимой автором личностью, высекают из основных текстов новые смыслы, способствуют усложнению перспективы их восприятия. Оригинальность достигаемых при этом художественных эффектов не в последней степени вызвана контрастностью избираемых Львовым повествовательских масок — посвяtitель предстает то любителем залихватского народного пения, то чувствительным поэтом-мечтателем, то простоватым ямщиком, любителем бурлеска.

---

²³ В этом контексте любопытно упомянуть, что по крайней мере один раз самому Львову была посвящена книга вполне традиционным образом. Это «Подробный словарь для сельских и городских охотников...» (1791–1792. Ч. 1–2), составленный Николаем Петровичем Осиповым (1751–1799), знакомым Львова еще по кадетской школе для солдат гвардейских полков, где они в 1771 году совместно издавали рукописный журнал «Труды четырех общников». Посвящая «Подробный словарь», Осипов просил Львова «удостоить принять благосклонно сию жертву», упоминал о том, что Львов в свое время «посеял» в нем «склонность к переводам». Эта деятельность, признается Осипов, служила «не только приятным препровождением времени», но и составила к началу 1790-х годов «некоторым образом» бóльшую часть его «содержания и доходов». Осипов отметил и роль Львова как советника, снабдившего его значительной частью источников при создании компилятивного труда (Там же. Ч. 1. С. [3]–[4]). По всей видимости, Львов также использовал свое влияние для того, чтобы «Подробный словарь» был напечатан.